

УДК 94(438)193

ПОЛЬША И ВОСТОЧНЫЙ ПАКТ

Станислав В. Морозов^{1,*}

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы 85
*roland60@mail.ru

Поступила в редакцию 25.07.2016. Принята к печати 12.10.2017.

Ключевые слова:

борьба за Восточный пакт, И. В. Сталин, Ю. Пилсудский, А. Гитлер, подготовка агрессии против СССР.

Аннотация: В статье рассматривается деятельность советского и польского руководства по созданию так называемого Восточного пакта в течение 1933 – весны 1935 гг. На основе рассекреченных в 2000-е гг. архивных материалов советской разведки показано, что в то время как советское руководство боролось за его создание, руководства Польши, Германии и Японии в глубокой тайне собирались провести до конца 1935 г. агрессию против СССР, тайным спонсором и вдохновителем которой готовилась стать часть правящих кругов Великобритании. Крупными фигурами этой группировки были глава Английского банка М. Норман и глава Палаты лордов и военный министр лорд Хейлшем. Советское политическое руководство к весне 1935 г. обладало всей совокупностью информации стратегического значения, чтобы предпринять необходимые действия. В марте 1935 г. была продана КВЖД, в апреле – предан широкой гласности секретный польско-германский договор от 25 февраля 1934 г., 2 мая состоялось подписание советско-французского договора о взаимопомощи, а 16 мая – аналогичного договора с Чехословакией. Тем самым была создана система малой коллективной безопасности и поставлен крест на планах Берлина, Токио и Варшавы развязать антисоветскую интервенцию до конца 1935 г.

Для цитирования: Морозов С. В. Польша и восточный пакт // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 80–84. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-80-84.

Во времена Первой мировой войны представителям русской интеллигенции были свойственны духовные искания в отношении Польши. В частности, известный философ Н. А. Бердяев писал, что «русская и польская душа все еще противостоят друг другу, как страшно чуждые, бесконечно разные, друг другу непонятные» [1, с. 161]. Он устремлял свой взор в прошлое и осуждал польскую политику царской России: «Русская политика относительно Польши давно уже стала историческим пережитком, она связана с далеким прошлым и не дает возможности творить будущее. В этой неумной политике виновный не мог простить тому, перед кем виноват» [1, с. 162].

Гениальному философу был свойственен разносторонний подход, и он даже не допускал мысли о том, что со стороны западнославянского народа может исходить какая-либо угроза. Ему представлялась такая мысль даже неэтичной: «Россия выросла в колосса, как государственного, так и духовного, и давно уже раздувание польской опасности, как и опасности католической, постыдно и обидно для достоинства русского народа» [1, с 162]. Касательно будущих отношений между двумя славянскими странами он не чурался нотаций: «Более сильному обидчику не подобает кричать об опасности со стороны более слабого и им же раздавленного. Ныне перед Россией стоят задачи творческие, а не охранительно-утеснительные» [1, с. 162].

Время показало в определенной степени утопичность представлений великого русского философа о грядущих отношениях между Польшей и Россией. В 1918 г. Польша возродилась, но две славянские страны хотя и сосуществовали, можно сказать, бок о бок, но их бытие происходило в окружении земного, фактически всепланетного коллектива огромного множества различных стран, среди которых

можно было встретить весьма влиятельных. Международные отношения межвоенного периода являются примером того, что представления о содержании польско-советских отношений некоторых из них носили отнюдь не философский характер, и учитывать эту особенность следовало как польскому, так и советскому руководству. Решения Локарнской конференции и проект «пакта четырех» превратили, с одной стороны, Германию в потенциальный антисоветский таран, а с другой – Великобританию – закулисного режиссера – в фактического и формального арbitra международных отношений. Советское и польское руководства это учитывали, но по-разному. Польский неофициальный диктатор Юзеф Пилсудский, не чуждый в определенной степени мессианских идей, стремился к построению Великой Польши за счет раздела СССР и вытеснения России за Урал. Путем жесткого шантажа, прикрытого блефом «превентивной войны», он в течение зимы-весны 1933 г. заставил германского канцлера А. Гитлера отказаться от использования открывшейся возможности в связи с «пактом четырех» ревизии польских границ и вместо этого учитывать перспективу польско-германского сотрудничества в его планах и намерениях на Востоке. Генеральному секретарю ВКП(б) Иосифу Виссарионовичу Сталину предстояло решить, наряду с другими, две нелегкие задачи: во внутренней политике – создать индустриально-промышленный комплекс за Уралом, а во внешней – сорвать назревавший международный заговор против СССР. Касательно второй существенную поддержку ему оказали советская дипломатия и советская разведка, документы которой долгое время хранились в Архиве Президента РФ, а в конце 1990-х гг. были переданы в Российский государственный архив социально-политиче-

ской истории, составив, среди прочего, так называемый «личный архив И. В. Сталина».

В течение ноября – первой половины декабря 1933 г. между главой французского МИД Ж. Поль-Бонкуром и советским полпредом В. С. Довгалевским имели место беседы о необходимости создания системы взаимопомощи (прим. автора: инициатива принадлежала Бонкуру) [2, с. 602, 683, 695]. 19 декабря ЦК ВКП(б) выступил за создание в Европе системы коллективной безопасности, куда помимо СССР должны были быть включены Франция, Бельгия, Чехословакия, Польша, Латвия, Литва, Эстония, Финляндия. Советский Союз соглашался вступить в Лигу Наций с некоторыми оговорками, а состав участников мог меняться за исключением Франции и Польши [3]. С течением времени наряду с Чехословакией туда должны были войти еще два члена Малой Антанты – Румыния и Югославия, гарантом предполагалась Франция, а сам проект получил название Восточного пакта. Во Франции его наиболее горячим и последовательным сторонником стал новый министр иностранных дел Луи Барту, которому после «ледяного душа», устроенного ему в апреле 1934 г. Пилсудским и главой МИД Беком в Варшаве, удалось сплотить вокруг этой инициативы представителей Малой Антанты – чехословацкого и румынского глав МИД – Э. Бенеша и Н. Титулеску. В июле Советский Союз вступил в Лигу наций и установил дипломатические отношения с ЧСР и Румынией. Однако, когда в Марсель 9 октября 1934 г. прибыл король третьей участницы Малой Антанты – Югославии – Александр Карагеоргиевич, – то и он, и Барту были убиты [4, с. 165–224].

Новый глава французского МИД Пьер Лаваль не являлся идейным сторонником заключения Восточного пакта. Он вел двойственную политику и всячески тянул время. В отличие от Поль-Бонкура и Барту он был сторонником политического курса в духе «пакта четырех». В частности, в декабре 1934 г. он «приветствовал германо-польское примирение и хотел сотрудничества с Германией» [5, с. 259]. Польша и Германия, в свою очередь, в течение всего 1934 и зимы-весны 1935 гг. всячески тормозили ход событий касательно своего возможного участия в Восточном пакте [4, с. 131–236]. Тем не менее, 5 декабря 1934 г. Лавалем и главой НКИД СССР М. М. Литвиновым был подписан протокол о гарантии преемственности и действенности франко-советского сотрудничества на пути реализации Восточного Пакта [6, с. 725–728]. Советские дипломаты добились от Лаваля обещания заключить до 1 мая 1935 г. между СССР и Францией пакт о взаимопомощи, о чем 12 апреля сообщило ТАСС [7, с. 26]. 17 апреля текст советско-французского пакта о взаимопомощи был им согласован с М. М. Литвиновым в Женеве, однако полпред В. П. Потемкин утром 20 апреля узнал о существенном изменении его текста чиновниками парижского МИД, о чем немедленно отправил в Москву тревожную телеграмму [8, с. 295]. В тот же день на заседании Политбюро ее прочли и приняли решение, ставшее для посла руководством для последующих действий: «Советуем не слишком ангажироваться на счет соглашения с французами и не забегать вперед, чтобы потом не получился у вас конфуз, если проект договора не будет одобрен в Москве. Второй раз предупреждаем Вас, не забегать вперед и не создавать тем самым иллюзии о том, что будто бы мы больше нужда-

емся в пакте, чем французы. Мы не так слабы, как предполагают некоторые» [9, с. 325].

На чем же зиждилось спокойствие и уверенность членов Политбюро? Как свидетельствуют архивные документы, у советского руководства к тому моменту была уникальная информация, предоставленная нашей разведкой. Если до лета 1933 г. у Москвы были какие-то надежды, что Польша в связи с угрозой «пакта четырех» примкнет к платформе миролюбивых стран во главе с СССР, то заключение польско-германской декларации от 26 января 1934 г. было воспринято как тревожный сигнал. А с начала лета 1934 г. советскому генсеку начали приходить ценнейшие сведения из ИНО (прим. автора: иностранный отдел) ОГПУ от так называемого «серьезного польского источника». Агент, по всей видимости, получал информацию от генералов из ближнего окружения маршала Пилсудского. Его персона к настоящему времени не установлена, но данные, поступавшие от этого источника в течение 1934 – весны 1935 г., были настолько ценными, что на первом донесении И. В. Сталиным была наложена резолюция для ознакомления ближайшим соратникам по Политбюро – Молотову, Ворошилову, Орджоникидзе, Куйбышеву, дабы позднее принять решение совместно с руководством НКИД [10, л. 28].

В первом сообщении агент информировал об активной деятельности влиятельнейших закулисных «режиссеров», координировавших деятельность милитаристских кругов Польши, Японии и Германии, готовившихся выступить в роли потенциальных агрессоров против СССР. В Англии это была финансово-политическая группировка – «Норман – Хейлшем», а во Франции – военно-политический tandem «Тардье – Вейган». Последний готовился к захвату власти, дабы отказаться от политики франко-советского сближения и подписать договор с Гитлером, в то время как первая могущественная связка осуществляла регулирование процессов франко-германского сближения и подталкивания Японии к нападению на советскую территорию на Дальнем Востоке.

Для проведения политики ускоренного вовлечения Японии в войну против Советского Союза в Токио был назначен послом Р. Клайв, не замеченный ранее в симпатиях к Москве. В связи с этим не могла не вызывать тревоги и серьезных опасений оценка источником мнения, существующего в окружении Пилсудского, относительно японской угрозы советскому Дальнему Востоку: «Япония неизбежно нападет на СССР как только закончит свое перевооружение <...> Война возможна еще в этом году, именно потому, что <...> ни одна из великих держав в настоящее время не может помешать Японии <...> Япония уверена, что, начав войну с СССР, она не останется одинокой, так как на СССР нападут, воспользовавшись этим случаем, Польша и Германия, даже если и не наступит франко-германо-польского соглашения <...> СССР никто не поможет, а Японии помогут материально <...> Гонсиоровский и Фабрицы предвидят безусловное поражение Красной Армии, которая не имеет обеспеченных тылов внутри страны». Далее источник делал вывод, что, «по его мнению, возможность интервенции против СССР никогда не вырисовывалась так реалистично, как в настоящее время» [10, л. 29–44].

Источник сообщал, что военным сближением с Германией руководил лично Ю. Пилсудский и называл фамилии многих офицеров Главного штаба. Главой секретной польско-германской комиссии маршал назначил гене-

рала К. Фабрыцы, а сближение с Японией и Францией было доверено генералу Я. Гонсиоровскому – начальнику Главного штаба Войска Польского. К тому времени с Берлином обсуждались следующие проблемы – размещение заказов для польской армии не во французской военной промышленности, а на германских предприятиях, а также унификация вооружений для польских и германских вооруженных сил [10, л. 33].

Текущей задачей для польской и германской дипломатии был поставлен срыв Восточного пакта: «Польша и Германия будут противодействовать подписанию Восточного пакта и в него не войдут» [10, л. 32]. Для этого были предусмотрены определенные действия: «Польша и Германия будут добиваться того, чтобы оторвать Францию от СССР и разбить Малую Антанту» [10, л. 43]. Ближайшей задачей для своей дипломатии маршал считал присоединение Франции к плану польско-германо-французского сотрудничества: «Пилсудский сильно обеспокоен отношениями Франции с СССР и хочет помешать франко-советскому сближению, всячески доказывая нереальность союза между Францией и СССР» [10, л. 29].

На сегодняшний день известно о пяти донесениях советского агента. Сентябрьское донесение – одно из самых важных, поскольку свидетельствовало о качественном изменении отношений между участниками милитаристского трио. Инициатором выступил бывший японский военный министр генерал Араки, личное послание которого в июле было передано Пилсудскому, который сообщал, что поводом к нападению на СССР, вероятно, станет Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД). Араки далее информировал, что промедление Токио с развязыванием войны вызвано техническим отставанием японской авиации, для усиления которой придется повременить до марта-апреля 1935 г. Однако, если Варшава и Берлин дадут слово стране восходящего солнца, что они развязнут военные действия против Москвы на следующий день после нападения Японии на советский Дальний Восток, то у последней достаточно сил, чтобы совершить нападение незамедлительно [10, л. 81].

По сути это уже был пусть неофициальный, но союз. Узы сотрудничества стали еще теснее. Неудивительно, что между Гитлером и Пилсудским 27 июля последовало заключение «дженетльменского соглашения», первый пункт которого предписывал Варшаве и Берлину без предварительного взаимного согласования «не примыкать к Восточному пакту» [10, л. 82]. При заключении же Восточного пакта без Польши и Германии последние могли бы принять на себя обязательство вступить в оборонительный союз против Москвы и Парижа. Если бы был заключен франко-советский военный союз или осуществлено франко-советское военное сотрудничество, Германия и Польша должны были заключить с Японией военно-оборонительные союзы. Следующий пункт предусматривал вовлечение Финляндии, Эстонии, Латвии, Румынии и Венгрии в сферу польско-германского влияния [10, л. 82]. А в самом конце первой декады августа со стороны польского и германского правительства последовало устное заверение японских посланников в Берлине и Варшаве в том, что Восточный пакт подписан не будет [10, л. 80].

В октябрьском донесении «серезный польский источник» информировал: «В Варшаве убеждены, что война меж-

ду СССР и Японией неизбежна и начнется не позже 1935 г. В Варшаве знают, со слов Идена, что Англия также считает эту войну неминуемой и ждет ее начала с нескрываемым нетерпением, причем поляки знают, что Англия будет поддерживать Японию. По сведениям Варшавы Лондон обращает мало внимания на европейские дела, считая их мелочными в сравнении с тем, что произойдет на Дальнем Востоке. С возникновением дальневосточной войны европейские дела, по мнению Лондона, будут пересмотрены заново. Англия, согласно польским данным, настолько жаждет столкновения на Дальнем Востоке, что стала помогать Японии своими разведывательными силами – чего раньше не наблюдалось. Японцы, по тем же данным, ведут весьма активную дипломатическую подготовку к войне в Лондоне, Берлине, Риме и Варшаве». Советский агент бесстрастно констатировал, что в Берлине велись польско-германские переговоры о совместных действиях на европейском театре, если на дальневосточной территории СССР начнутся известные осложнения с участием Японии. Относительно Восточного пакта источник информировал, что Варшава, желая скрыть свои истинные намерения, будет как можно дольше тянуть с ответом [10, л. 111–117].

В декабрьском донесении агент, наряду с иными сведениями, сообщал, что в октябре в Берлин приезжала японская делегация для переговоров с поляками и немцами, которые, однако, не принесли результатов. А от группы «Норман – Хейлшем» была получена информация, что «между Англией и Японией вскоре состоится подписание соглашения, направленного против СССР», а также что для Германии и Польши англо-американские банки готовят заем в 100 млн золотых долларов. На рождественские праздники к польскому посланнику в Копенгаген собирался выехать министр Бек, для встречи с представителями группировок «Тардье – Вейганд» и «Норман – Хейлшем» [11, л. 31–50]. Представитель первой приезжал в Варшаву и разъяснил, что протокол от 5 декабря был вынужденным шагом Лаваля, чтобы успокоить Литвинова и Москву, и что у Лаваля есть план действий для того, чтобы говориться с Германией.

В донесении, датируемом приблизительно ранней весной 1935 г. и хранящемся в Архиве Службы внешней разведки, агент сообщал, помимо всего остального, о тайном декабрьском вояже Бека в Копенгаген и совещании с М. Норманом – главой Английского банка. Речь шла о предоставлении Берлину и Варшаве для финансирования антисоветской интервенции 500 млн золотых долларов, треть из которых предназначалась Польше. Однако средства могли быть предоставлены лишь при условии участия французского капитала, для чего было необходимо обеспечить франко-германское сближение [12, с. 22–30].

Таким образом, советское политическое руководство к весне 1935 г. располагало достоверными сведениями о том, что Берлин и Варшава не собирались участвовать в Восточном пакте и сознательно тянули время. Более того, гитлеровцы и пилсудчики сговаривались относительно проведения совместной с японскими милитаристами интервенции против СССР. Политбюро обладало всей совокупностью информации стратегического значения, чтобы сохранять спокойствие и предпринять необходимые действия. В марте 1935 г. была продана КВЖД, в апреле – предан широкой гласности секретный польско-германский договор от 25 февраля 1934 г., 2 мая состоялось подпи-

ние советско-французского договора о взаимопомощи, а 16 мая – аналогичного договора с Чехословакией [13; 14; 4, с. 211]. Тем самым была создана система малой коллективной безопасности и поставлен крест на планах Берлина, Токио и Варшавы развязать антисоветскую интервенцию до конца 1935 г. Поэтому, когда современный британский историк польского происхождения Адам Замойский [15] пишет о

многих поляках, которые не могут или не хотят забыть обиды, причинённые их стране, и о левых польских политиках, считающих, что статус жертвы даёт им моральное превосходство, уста готовы произнести: «Пан Замойский, изучайте первоисточники, и Вам откроется истина».

Литература

1. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Философское общество СССР, 1990. 240 с.
2. Документы внешней политики СССР. М.: Изд-во политической литературы, 1970. Т. XVI. 920 с.
3. Морозов С. В. Советский Союз и славянские страны в международных отношениях 1930-х гг. Документы. Новокузнецк: НФИ КемГУ, 2015. Режим доступа: <http://moodle.nkfi.ru/mod/data/view.php?d=19&advanced=0&paging&page=28> (дата обращения: 28.06.2016).
4. Морозов С. В. Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2004. 528 с.
5. Климовский Д. С. Германия и Польша в локарнской системе европейских отношений. Из истории зарождения второй мировой войны. Минск: БГУ, 1975. 288 с.
6. Документы внешней политики СССР. М.: Изд-во политической литературы, 1971. Т. XVII. 880 с.
7. Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. IV. М., 1946. 647 с.
8. Документы внешней политики СССР. М.: Изд-во политической литературы, 1973. Т. XVIII. 720 с.
9. Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2001. 400 с.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 187.
11. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 188.
12. Служба внешней разведки России. Архив СБР России. Секреты польской политики. Сборник документов (1935–1945) / сост. Л. Ф. Соцков. М., 2009. 403 с.
13. Известия. 1935. 20 апреля.
14. Правда. 1935. 20 апреля.
15. Замойский А. Польский новый национализм (перевод из Foreign Policy) // Спутник и Погром. 05.02.2016. Режим доступа: http://sputnikipogrom.com/europe/poland/50461/polands-new-nationalism/#.V26Bo9SLSt_ (дата обращения: 30.06.2016).

POLAND AND THE EASTERN PACT

Stanislav V. Morozov^{1, @}

¹Belgorod National Research State University, 85, Pobeda St., Belgorod, Russia, 308015

@roland60@mail.ru

Received 25.07.2016. Accepted 12.10.2017.

Keywords: the struggle for the Eastern Pact, I. V. Stalin, Yu. Pilsudski, A. Hitler, preparing aggression against the USSR.

Abstract: The article features the activities of the Soviet and the Polish governments aimed at creating the so-called Eastern Pact in 1933 – the spring of 1935. The archives of Soviet intelligence declassified in the 2000s show that while the Soviet government fought for the pact, the governments of Poland, Germany and Japan were secretly preparing to conduct a policy of aggression against the USSR as early as in 1935; the secret sponsor and mastermind behind the plan was representatives of the British ruling circles. The major figures of the group were the head of the Bank of England M. Norman and the head of the House of Lords and the Minister of War, Lord Hailsham. By the spring of 1935, the Soviet political authorities already possessed all the information of strategic importance, which allowed them to take the necessary action. In March 1935, the Chinese Eastern Railway was sold, in April they publicized the secret Polish-German treaty signed on 25 February, 1934; on 2 May the Franco-Soviet treaty of mutual assistance was signed, and a similar treaty with Czechoslovakia was concluded on 16 May. Thus, the minor collective security system was established, which would put an end to the plans of Berlin, Tokyo and Warsaw to unleash their anti-Soviet intervention before the end of 1935.

For citation: Morozov S. V. Pol'sha i vostochnyi pakt [Poland and the Eastern Pact]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 80–84. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-80-84.

References

1. Berdiaev N. A. *Sud'ba Rossii* [Fate of Russia]. Moscow: Filosofskoe obshchestvo SSSR, 1990, 240.
2. *Dokumenty vnesheini politiki SSSR* [Documents of Soviet foreign policy]. Moscow: Izd-vo pol-i lit-ry, vol. XVI (1970): 920.
3. Morozov S. V. *Sovetskii Soiuz i slavianskie strany v mezhdunarodnykh otnosheniiakh 1930-kh gg. Dokumenty* [The Soviet Union and the Slavic countries in the international relations of the 1930s. Documentation]. Novokuznetsk: NFI KemGU, 2015. Available at: <http://moodle.nkfi.ru/mod/data/view.php?d=19&advanced=0&paging&page=28> (accessed 28.06.2016).
4. Morozov S. V. *Pol'sko-czechoslovakie otnoshenia. 1933–1939. Chto skryvalos' za politikoi «ravno-udalennosti» ministra Ju. Beka* [Polish-Czechoslovak relations. 1933–1939. What was behind the policy of «equidistance» Minister Yu. Beck]. Moscow: MGU im. M. V. Lomonosova, 2004, 528.
5. Klimovskii D. S. *Germania i Pol'sha v lokarnskoi sisteme evropeiskikh otnoshenii. Iz istorii za-rozhdeniya vtoroi mirovoi voiny* [Germany and Poland in Locarno system of European relations. From the history of the birth of the Second World War]. Minsk: BGU, 1975, 288.
6. *Dokumenty vnesheini politiki SSSR* [Documents of Soviet foreign policy]. Moscow: Izd-vo pol-i lit-ry, vol. XVII (1971): 880.
7. *Vneshniaia politika SSSR. Sbornik dokumentov* [Foreign policy of the USSR. A collection of documents]. Moscow, vol. IV (1946): 647.
8. *Dokumenty vnesheini politiki SSSR* [Documents of Soviet foreign policy]. Moscow: Izd-vo pol-i lit-ry, vol. XVIII (1973): 720.
9. *Politbiuro TsK RKP(b)-VKP(b) i Evropa. Reshenia «osoboi papki»*. 1923–1939 [Politburo of the Central Committee of the RCP(b)-VKP(b) and Europe. Solution «special folders». 1923–1939]. Moscow: ROSSPEN, 2001, 400.
10. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI)* [Russian state archive of socio-political history]. Found 558, List 11, File 187.
11. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Russian state archive of socio-political history]. Found 558, List 11, File 188.
12. *Sluzhba vnesheini razvedki Rossii. Arkhiv SVR Rossii. Sekrety pol'skoi politiki. Sbornik dokumentov (1935–1945)* [The foreign intelligence service of Russia. Archive of the foreign intelligence service of Russia. The secrets of Polish policy. A collection of documents (1935–1945)]. Comp. Sotskov L. F. Moscow, 2009, 403.
13. *Izvestiia = Proceedings*, April 20 (1935).
14. *Pravda = True*, April 20 (1935).
15. Zamoiskii A. Pol'skii novyi natsionalizm (perevod iz Foreign Policy) [New Polish nationalism (translation from Foreign Policy)]. *Sputnik i Pogrom = Satellite and Mayhem*, 05.02.2016. Available at: http://sputnikipogrom.com/europe/poland/50461/polands-new-nationalism/#.V26Bo9SLSt_ (accessed 30.06.2016).